

Е.В. Зайцев, доктор богословия

(Доклад, прочитанный перед студентами философского факультета университета г. Новый Сад, Югославия, март 2002)

Дискуссии по вопросу о том, как соотносятся между собой Св. Писание и Св. Предание в истории христианской церкви не утихали никогда. Существующие в настоящее время подходы к разрешению этой проблемы можно условно разделить на три основные группы:

1. Св. Писание и Св. Предание суть два самостоятельных богодухновенных и авторитетных способа сохранения и распространения Божественного откровения и, соответственно, два взаимодополняющих друг друга источника вероучения. [1](#) На этой позиции стоит римско-католическая церковь, поэтому не случайно данная позиция носит название "латинской схемы".

[2](#)
Исторически этот взгляд был подтвержден Тридентским собором в середине XVI века как своего рода ответ католической церкви на Протестантскую Реформацию.

2. Св. Предание, будучи древнее и объемнее Св. Писания, содержит в себе всю полноту Божественного откровения, поэтому Св. Писание представляет собой лишь часть Предания или точнее одну из форм его выражения. Этой точки зрения придерживается Православная церковь. С позиции современного православия, взгляд на Св. Писание и Св. Предание как на два взаимодополняющих один другой источника вероучения вынуждает признать, что ни Писание, ни Предание не заключают в себе всю полноту богооткровенной истины, но лишь некоторую часть ее. Подобное представление, считают православные богословы, вступает в противоречие с учением древней церкви, которая учила тому, что Св. Писание содержит в себе полноту богооткровенной истины. [3](#)

3. Св. Писание, будучи богодухновенным по природе своей, содержит в себе все, необходимое для различения истины, а также для веры и благочестия. Предание понимается как своего рода санкционированный церковью способ истолкования Св. Писания. Предание принимается при условии, что оно не противоречит Писанию. Данный подход был усвоен основными течениями Протестантской Реформации, и этого взгляда придерживается сегодня большинство протестантов.

В данной статье мы остановимся подробнее на второй и третьей позициях по вопросу о соотношении Писания и Предания, поскольку в контексте диалога между православными и протестантами уяснение именно этих двух подходов и их исходных предпосылок представляется наиболее важным и значимым. На первый взгляд кажется, что и та и другая позиции укладываются как бы в рамки так называемой

"теории одного источника", утверждающей целостность и неделимость божественного откровения в истории человечества. И хотя это единое божественное откровение имеет различные формы передачи и сохранения, но за божественной вестью стоит Один и тот же Дух Святой, и богодухновенность вести не зависит от того, передается ли она устно или письменно.

Может показаться, что проблема здесь сугубо терминологическая. Православная церковь называет единый богодухновенный источник истины, веры и благочестия Преданием, а протестанты - Писанием. Конечно же, для православных Предание включает в себя Писание, а для протестантов Писание включает Предание (божественную весть, передающуюся устно). И если речь идет о едином богодухновенном источнике, то, собственно, не имеет значения, как он будет назван.

Однако Писание и Предание как богословские понятия несут на себе определенную смысловую нагрузку, и в определении этих понятий, особенно Предания, православные и протестанты разнятся между собой. Трудно говорить о конструктивном диалоге, пока не определены основные понятия и пока не уяснен смысл, который вкладывает каждая сторона в то или иное понятие. Итак, какой смысл вкладывается в Предание современным православием?

Следует признать, что само понятие Предания в истории христианской церкви, и Православной в том числе, подвергалось определенной эволюции. Было бы несправедливо однозначно утверждать, что раннеапостольская церковь и современное православие вкладывают в это понятие один и тот же смысл. Во дни Христа существовали понятия Писания и Предания, смысл которых легко можно извлечь из евангелий и апостольских посланий. Никакого особого сакраментального смысла, приписываемого Преданию сегодня, в евангелиях и апостольских посланиях обнаружить не удастся. Само слово "предание" (с греч. παραδωσις) означает "передачу", "оставление в наследство", указывая, прежде всего, на само действие, т.е. на процесс передачи паредьва, например, в 1 Кор 11:23 - "Ибо я от Господа принял то, что и вам передал..."). В этом смысле слово паредьва ни чем не отличается от глагола απαγγελλω (возвещаю), который использует ап. Иоанн, говоря: "О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам" (1 Иоан. 1:3) или глагола ελαλησαν (проповедывали), используемого автором послания к Евреям: "Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам Слово Божие" (Евр. 13:7). В данном случае передать, возвестить, проповедать Слово Божие в каком-то смысле означает одно и то же. Что касается содержания передаваемой вести, действительно ап. Павел несколько раз использует παραδωσις и с этим значением (2 Фес. 2:15; 1 Кор. 11:2), однако следует согласиться с тем что "предание" в этом смысле не отличается по своему содержанию от апостольской проповеди, оно полностью с ней совпадает. В каком-то смысле "предание" становится "писанием", когда апостолы начинают записывать божественную весть. Можно с уверенностью говорить о том, что в раннеапостольской церкви существовало абсолютное единство между Писанием и Преданием. [4](#)

Начиная со второго века, в связи с угрозой многочисленных ересей, особенно гностицизма, постепенно складывается представление о предании как санкционированном способе толкования Св. Писаний. Нельзя было позволить, чтобы Писание толковалось произвольным или случайным образом. Однако представление о том, что именно Писание является богодухновенным словом Божиим, содержащим полноту истины, прослеживается у многих Отцов ранней церкви. "Я преклоняюсь перед полнотой Писания," - писал Тертуллиан еще в конце второго, начале третьего века. [5](#) А известный защитник ортодоксии в борьбе с арианской ересью в IV веке Афанасий Великий считал, что Писание "достаточно само по себе для различения Истины". [6](#) Один из каппадокийских отцов церкви Григорий Назианзинский, желая подчеркнуть, что ценность Св. Писания несоизмеримо выше всех толкований на него, вместе взятых, равно как и всех канонов церковных и постановлений, писал: "Критерием и мерой каждого положения мы делаем Св. Писание. Мы одобряем только то, что можно привести в гармонию со смыслом его текстов".

[7](#)

С течением времени, однако, понятие "предание" было значительно расширено. В Предание вошли Правила святых Апостолов, постановления первых семи Вселенских и приравненных к ним Поместных соборов, символы веры древних церквей, Древние Литургии, акты мучеников, творения святых Отцов и учителей Церкви, древние церковные истории, как, например, история Евсевия Памфила, наконец, вся древняя практика Церкви, включающая расписание священных времен, устройство священных мест и священные действия, обряды и церемонии. [8](#) При таком обилии источников естественно вставал вопрос об истинности Св. Предания и тех признаках или критериях, которые могли бы помочь отличить его от предания ложного.

Традиционно признаки эти делились на внутренние и внешние. Под внутренними признаками истинности Предания подразумевалось а) отсутствие внутреннего противоречия в нем; б) сообразность с другими уже известными и несомненными Апостольским Преданиями и в) сообразность со Св. Писанием. К внешним признакам поначалу относился сам факт возведения Предания до времен апостольских и употребления его в церквях, непосредственно основанных Апостолами. Затем, по мере удаления от времен апостольских, признаком истинности Предания стал факт признания его за Апостольское отцами и учителями церкви III, IV и V веков. Наконец, определяющим критерием истинности Предания стал факт признания его всей Вселенской церковью. Смысл этого внешнего критерия истинности Предания выразил в свое время еще Тертуллиан: "Что у многих обретается единым, то не измышлено, а предано". [9](#) В V веке Викентий Лиринский сформулировал этот принцип в известной максиме: "Во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все (*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*), то истинно". [10](#) Весьма близким к данному критерию является и понятие *consensus patrum* (согласие отцов), которое помогает отличить подлинное учение святых отцов, имеющее авторитет, от частных мнений, которые могут быть ошибочными. Другими словами, в святоотеческом учении принимается только та часть его (как Св. Предание), по которой имеется

единодушное мнение всех, или, по крайней мере, значительного большинства святых отцов. Как писал в свое время Иоанн Дамаскин "Отец не противоборствует отцам, ибо все они были общниками Единого Духа Святого".

[11](#)

Православные богословы подчеркивают, что "живым носителем и хранителем Предания является вся Церковь в ее кафолической полноте; и нужно пребывать или жить в Церкви, в ее полноте, чтобы разуместь Предание, чтобы владеть им". [12](#) Будучи верным хранителем Св. Предания, Церковь является единственной верной хранительницей и истолковательницей Св. Писания. Подчеркивая эту роль Церкви в сохранении и должном истолковании Библии, иерей О. Давыденков пишет: "Вынесенная из Церкви, Библия превращается просто в набор исторических документов. Только в Церкви библейские книги обретают статус Свщ. Писания. Смысл библейских книг может быть постигнут только в Церкви, в свете хранимого ею Свщ. Предания".

[13](#)

Православные богословы постоянно оговаривают, что от Св. Предания следует отличать различные церковные предания, касающиеся местных обычаев в литургической практике, древние и позднейшие агиографические записи местных устных сказаний, которые в разной степени могут соответствовать или не соответствовать Св. Преданию Вселенской Церкви.

Почти до середины XX столетия в Православии преобладал "латинский" взгляд на природу Предания. Например, препод. Макарий в пользующимся до сих пор авторитетом "Введении в православное богословие" (XIX в.) говорит о Св. Предании как *другом* Божественном источнике Христианской веры при Священном Писании. Подчеркивая "равночестность" обоих источников христианской веры, он пишет: "Священное Писание, дарованное нам Богом как первый и главнейший источник откровенной Веры и Богословия, по самому свойству своему заставляет нас желать и *другого* (курсив наш), столь же Божественного, пособия в столь важном деле". [14](#) В имеющем большое значение для Православной Церкви "Пространном Катихизисе" позиция по вопросу о соотношении Предания и Писания также не определена достаточно четко. Хотя о Св. Предании и Св. Писании говорится как о различных способах распространения и сохранения Откровения, в то же время прямо не утверждается, что Писание и Предание являются двумя различными источниками вероучения. Не случайно и то, что в наиболее ортодоксальном труде о. Сергия Булгакова "Православие" вопрос соотношения Предания и Писания окончательно также не решен. С одной стороны, Булгаков утверждает, что "Слово Божие... является первенствующим источником веры и нравоучения" и потому оно "стоит выше всех других источников вероучения, в частности, всего Священного Предания во всех его видах."

[15](#)

Именно ему, Слову Божию, "принадлежит абсолютное значение..., так что не Писание проверяется на основании предания..., но, наоборот, предание проверяется Писанием."

[16](#)

С другой стороны, Булгаков отстаивает "общий самоочевидный принцип: Св. Писание должно уразумеваться на основании Св. Предания", демонстрируя явную непоследовательность в своих суждениях.

[17](#)

Та же непоследовательность в понимании соотношения между Писанием и Преданием прослеживается и у многих современных православных авторов. Например, дьякон Андрей Михайлов, конкретизируя понятие Предания, утверждает, что Писание входит в Предание, и в то же самое время демонстрирует явную приверженность "латинской схеме", когда говорит: "Вера в святость, богодухновенность, неизменность и общеобязательность Священного Предания *нар авне*

(курсив наш) со Священным Писанием существенно присуща и является отличительным признаком Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви Христовой".

[18](#)

Явная противоречивость прослеживается и в статье Михаила Кригера "В чем опасность библейских обществ". Автор пишет: "Божественное откровение дано нам в Священном Писании и в Священном Предании, которое во всем согласно с Писанием и равнозначно ему. При этом Священное Предание первично по отношению к Священному Писанию и включает его".

[19](#)

Итак, как же все-таки соотносятся между собой Св. Писание и Св. Предание?

В стремлении подчеркнуть первенство Св. Предания как единого источника Божественного откровения, понятие Предания было расширено еще более. В последнее время в Православии принято говорить о нескольких уровнях Св. Предания. [20](#) Первый уровень это передача учения или материальных памятников, в которых это учение зафиксировано, второй уровень - передача опыта духовной жизни в соответствии с этим учением, и, наконец, высший уровень - невидимое, но действенное сообщение благодати и освящения посредством церковных таинств. В конечном счете, под Преданием (с большой буквы), благодаря проведенному В.Н. Лосским разделению между "Преданием" и "преданием" понимается "сам дух жизни церкви", "таинственный ток ведения тайны, не иссякающий в Церкви и сообщаемый Духом Святым Ее членам". [21](#)

"Итак, - заключает Лосский, - мы можем дать точное определение Преданию, сказав, что оно есть жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающая каждому верующему способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем Ей Свете, а не в естественном свете человеческого разума". [22](#)

При таком широком и многоуровневом определении Св. Предания, учитывающем не только многообразие форм и способов передачи сверхъестественного Божественного Откровения, но и сообщение благодати и освящения, становится просто невозможным разграничить понятия "Божественное откровение", "Св. Писание" и "Св. Предание", и таким образом, вопрос о соотношении Писания и

Предания как бы теряет всякий смысл.

Итак, обобщая православное понимание Предания, можно говорить о нескольких неразрывно связанных между собой и тождественных по своему содержанию формах единого Предания. Эти формы суть следующие: Св. Писание, Правило веры, литургическое предание (богослужебно-литургическая практика Церкви), творения св. отцов и учителей Церкви. Одна и та же Богооткровенная истина в Св. Писании благовествуется, в Правиле веры преподается в доктринальной форме, в литургической жизни Церкви действует и славословится. Все формы Св. Предания теснейшим образом связаны между собой. По отношению к Св. Писанию Правило веры, например, является ключом для истолкования, в литургической жизни, в таинствах сообщается Божественная благодать, а творения св. отцов обеспечивают живую, непрерывную традицию истолкования библейских текстов.

Протестантская позиция по вопросу о соотношении Писания и Предания основывается на понимании этого соотношения, существовавшего во дни Христа, и по сути дела она является более ранней, чем сложившийся в более поздний период взгляд на природу этого соотношения в Православной церкви.

Христос и апостолы различали Писание (Мф. 21:42; Мф. 22:29; Мр. 14:49; Лк. 24:27; Иоан. 5:39; Иоан. 7:42; Иоан. 10:35; Деян. 8:32, 35; Деян. 18:28 и т.д.), которое было богодухновенным, а, следовательно, и имеющим силу божественного авторитета, и предание человеческое, предание старцев, которое представляло собой многочисленные правила и постановления, придуманные людьми, и потому являющееся не богодухновенным. Ярким примером тому могут служить слова Христа из ев. Матфея 15: 3-6 "Он же сказал им в ответ: зачем и вы престоупаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: "почитай отца и мать"; и "злословящий отца или мать смертью да умрет". А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался", Тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом, вы устроили заповедь Божию преданием вашим". (См. также Марка 7: 1-13). Христос ссылается здесь на авторитетное пророчество Исаии (Ис. 29:13). Иисус однозначно осуждает сложившуюся в Его дни практику подмены Писания преданием старцев. Св. Писание, будучи откровением воли Божией, данным через пророков (2 Петра 1:21), всегда было критерием истины для народа Божия в силу своей богодухновенности (Ис. 8:20). Именно это Писание, о котором ап. Павел говорит "Все Писание богодухновенно", представленное во дни апостолов Законом, Пророками и собственно Писанием, и являлось авторитетом как для Христа, так и для Его последователей. "Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией" (Мф. 22:29). Ап. Павел, убеждая приходивших к нему иудеев в мессианском подвиге Христа, "излагал им учение о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их об Иисусе из закона Моисеева и пророков" (Деян 28:23). Никакого учения об особом сакраментальном статусе Св. Предания во дни Христа и апостолов просто не существовало.

В самом начале послания к Евреям апостол пишет о двух последовательных фазах

проявления божественного откровения в истории спасения: "Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне..." (Евр. 1: 1, 2). Об этом же пишет и автор Деяний апостольских: "Да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века" (Деян. 3:20-21). Другими словами, дар пророчества и дар Боговоплощения представляют собой последовательное и вместе с тем целостное и единое божественное откровение, которое является авторитетным для человека в силу того, что оно дано Самим Богом. По сути дела, Писание Ветхого Завета, содержащее пророческую весть о грядущем Мессии, и являлось тем мерилom истины, которое помогало ранней Церкви ориентироваться в многочисленных источниках информации, как устной, так и письменной, при составлении канона Священного Писания Нового Завета.

Следует признать, что целостное и единое Божественное откровение, являемое человеку Богом в истории спасения, действительно существовало как в устной, так и в письменной форме. До того, как пророки стали записывать Божию весть, чтобы сохранить ее для последующих поколений, она передавалась устно, "от отцов детям". Именно об этом говорится в 77 псалме: "Что слышали мы, и узнали, и отцы наши рассказывали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил. Он постановил устав в Иакове и положил закон в Израиле, которые заповедал отцам нашим возвещать детям их. Чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтоб они в свое время возвещали своим детям, возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его" (Пс. 77:3-7).

Какое-то время и апостольская весть о Христе передавалась устно, пока позже не была записана. Ап. Павел во 2-м послании к Фессалоникийцам пишет: "Итак, братья, стойте и держите предания (παράδοσις), которым вы научены или словом или посланием нашим" (2 Фес. 2:15).

Важно подчеркнуть, что в какой бы форме эта апостольская весть не передавалась, устной ли, письменной, содержание ее оставалось одним и тем же. Эта весть представляла собой одно и то же Евангелие, которое апостолы получили от Самого Господа Иисуса Христа, и которое они передавали другим. Ап. Павел пишет: "Напоминаю вам, братья, Евангелие, которое благовествовал вам..., ибо я первоначально преподавал (в оригинале παρέδωκα - передал), что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию" (1 Кор. 15: 1-3). Важно отметить, что послание, которое апостол Павел пишет к Коринфской церкви, представляет собой лишь напоминание того, что он благовествовал ранее. Другими словами, речь идет об одной и той же божественной вести, которую Павел передает сначала устно, а затем письменно. Что характерно, критерием истинности этой вести является Писание ("Христос умер... по Писанию"). Именно Писанием "благочестивые верующие" в Вери, где Павел и Сила проповедовали в синагоге Иудейской, проверяли слова апостолов. "Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так" (Деян. 17: 10, 11). Это ясное

библейское свидетельство того, что даже слова непререкаемых авторитетов должны приниматься искренним верующим не иначе, как при согласовании со Словом Божиим.

Трудно согласиться с критерием истинности Предания, выраженным в свое время Тертуллианом ("что у многих обретаётся единым, то не измышлено, а предано") или Викентием Лиринским, утверждавшем: "во что верили всегда, во что верили повсюду, во что верили все, то истинно". Это совершенно чуждый божественному откровению критерий истинности, который восходит к греческой философии и который ставит во главу угла самого человека. Еще Гераклит говорил: "Там, где мы все согласны между собой, мы имеем дело с истиной; но там, где наши индивидуальные суждения расходятся, мы ошибаемся". [23](#) Но сколько раз в истории совершались роковые ошибки именно потому, что большинство или даже все впадали в заблуждение. Единственный критерий истинности, которым руководствовался народ Божий во все века, на который в частности указывали Христос и апостолы, это Богодухновенность. Писания Нового Завета являются богодухновенными именно в силу того, что Дух Святой научает и напоминает апостолам все то, что Сам Христос однажды говорил им. Иоанн пишет: "Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Моё, научит вас всему (διδάξει πάντα) и напомнит вам всё (υπομνήσει ὑμᾶς πάντα), что Я говорил вам" (Иоан. 14:26; см. также Иоан. 16:14). Об этом же говорит и ап. Павел: "А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии" (1Кор. 2:10).

Православные могут возразить: но разве не Церковь, отталкиваясь от Священного Предания, определяла, что богодухновенно, а что нет? Разве не Церковь на своих Соборах утверждала канон Св. Писания? Разве не Церковь решала, что есть подлинно Слово Божие, а что апокриф? [24](#) Да, это так, но следует помнить, что церковь, в лице своих благочестивых руководителей в молитвенном предстоянии перед Богом просила о ниспослании Духа Святого, дабы различить богодухновенное и не богодухновенное. Один и тот же Дух, который вдохновлял когда-то пророков и апостолов на передачу Божьего Слова, заботился и о сохранении этого Слова в Истории; Он же управлял и сознанием руководителей церкви Христовой, помогая собрать воедино то, что уже было богодухновенным в силу своего божественного происхождения ("Ибо Я от Самого Господа принял то, что и вам передал..." (pare/dwka) 1 Кор. 11:23). Тот же самый Дух просвещает и научает искреннего верующего человека, читающего сегодня Св. Писание (Иоан. 14:26; 1 Кор. 2:12-13). Именно боговдохновенные истины Св. Писания должны исповедоваться всяким искренним человеком. Писание должно благовествоваться в этом мире (2 Кор. 2:17); оно, наконец, должно быть критерием истины, веры и благочестия.

Таким образом, схема соотношения Писания и Предания, которую мы предлагаем, могла бы выглядеть [следующим образом](#)

Писание является первичным для нас, и именно потому, что оно представляет собой богодухновенный источник, мы призваны соотносить с ним всякое "предание

человеческое" (Кол. 2:8). Предание должно проверяться Писанием, а не наоборот.

Придание большего авторитета Св. Преданию, как "единственному способу восприятия истины" [25](#), в немалой степени способствовало умалению значения Писания в жизни Православной церкви. И хотя Писание признается Восточной Церковью как высочайшее Божественное Откровение, как Слово Божье, Библия почитается скорее, как предмет культа, а не живое Слово Божие, обращенное к душе всякого верующего. Она редко читается православными верующими дома, а в храме, хотя и читается, и представители клира относятся к ней с трепетным благоговением, заканчивая, например, чтение евангельского отрывка лобзанием лежащего на аналое Евангелия, тем не менее, чтение это давно превратилось в форму, в ритуал, за которым приходящие в храм приобщиться к спасительному Слову Божию, его просто не слышат.

"Факт горестный, но несомненный, - пишет Архиепископ Михаил (Мудьюгин), бывший в свое время ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии - русский православный человек не знает Слова Божьего и не стремится, даже не считает нужным знать. Подавляющее большинство духовенства, пройдя его в Семинарии (именно "пройдя", а не изучая), очень редко к нему обращаются для домашнего чтения и даже проповедовать предпочитают на общеизвестные темы церковных праздников или житий чтимых святых. В такой ситуации Слово Божье может быть услышано народом в основном только благодаря чтению в храмах, которое фактически превращено в почти бесполезную и не имеющую никакого смысла процедуру". [26](#) Большой частью православные верующие читают обильную агиографическую литературу легендарного характера; значительная часть богослужебных текстов заимствована из предания.

"Естественно, о сознательном благоговейном отношении к Слову Божьему, - продолжает Мудьюгин, - т.е. о его слышании и усвоении в стенах православного храма не идет и речи; не может православный человек и жаждать Откровения Божьего, Его святого Слова, ибо не осознает его божественной ценности и при существующей церковной практике осознать не в состоянии". [27](#)

Это не осознание божественной ценности Писания православными верующими в немалой степени связано с сакрализацией церковью Предания и возвышения его до статуса "единственного способа восприятия божественной истины", в котором Писание лишь часть или одна из форм выражения.

Расплывчатость определения, неопределенность границ Св. Предания, равным образом как и неопределенность его критериев, ставит под сомнение утверждение церкви об отсутствии внутренних противоречий внутри единого Св. Предания и о согласии или сообразности его со Св. Писанием. В каком-то смысле церковь пытается выдать желаемое за действительное. Например, церковь утверждает, что Св. Предание - это апостольское предание. Оно истинно, потому что восходит к апостолам, т.е. оно существовало в церквях, основанных апостолами. Это предание почитали апостольским все или многие отцы церкви 3, 4 и 5 в.в. Но возьмем хотя бы

почитаемые церковью как Св. Предание "Правила св. апостолов" или "Апостольские постановления". Этот древнейший памятник церкви широко использовался и используется в богослужениях Православной церкви, он же лежит в основе церковного суда. Сама церковь признает, что эти правила не были написаны апостолами. До сих пор точно не известно, где и когда они впервые появились. [28](#) Более того, Трульский Собор (692 г.) осудил эту книгу, а патриарх Константинопольский Фотий (IX век) отзывался о ней так: "Постановления апостольские подлежат порицанию по трем причинам: ...за худой вымысел, ...за оскорбительные отзывы о Второзаконии, ...за арианство". [29](#)

Другой пример, церковь относит к Св. Преданию "исповедания веры" или "вероизложения", сделанные отдельными отцами церкви по разным поводам. Но авторство и происхождение даже наиболее известных исповеданий является сомнительным. Например, о так называемом Апостольском Символе, который является древней переработкой крещального Символа Римской церкви III - V в.в., Архимандрит Алипий в своем Догматическом богословии пишет: "...данный Символ не может по своей недосказанности и продолжительной неизвестности на Востоке считаться авторитетным Исповеданием Православия". [30](#)

То же самое можно сказать и о Символе веры святителя Афанасия Александрийского, который, несомненно, ему не принадлежит. Это подтверждает латинский текст оригинала и неизвестность его до XIII в. на Востоке, не Афанасиева терминология, более позднее учение о Христе, отсутствие в творениях Афанасия ссылок на данный символ и т.д. Наиболее вероятно, что он был составлен на юге Франции в VI - VII в.в. [31](#)

Включение в состав Св. Предания трудов св. Отцов церкви также создает определенные проблемы для принципа внутреннего единства Предания (отсутствие внутренних противоречий). В сочинениях некоторых почитаемых отцов церкви различия в понимании тех или иных богословских вопросов настолько существенны, что говорить о внутреннем единстве Предания довольно затруднительно. Например, если Ориген за свою идею апокатастасиса был осужден церковью в V веке, то один из каппадокийских отцов церкви Григорий Нисский, хотя и исповедовал ту же идею, почитается сегодня как один из великих отцов Восточной церкви.

Наконец, о вероопределениях и постановлениях Вселенских и поместных соборов, которые также составляют неотъемлемую часть Св. Предания. "Сколько соборов поместных (и даже вселенских), - пишет Мудьюгин - оказались безрезультатными, а многие даже впоследствии осужденными той же церковью, которая их созывала, и решения которых сама же принимала, считая их богодухновенными и обязательными для всей церкви!" [32](#) Таков был, например, представительный Вселенский Собор, состоявшийся в 449 г. в Ефесе, а позже объявленный недействительным и даже прозванный "разбойничьим". Таким был и Константинопольский Собор 879 года, который Западной церковью считается законным и даже вселенским, а Восточной отвергнут, потому что его определения расходятся с богословской позицией Православия.

Если уж говорить о согласии или сообразности Св. Предания с Писанием, то и здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой. Противоречий между Преданием и Писанием за многие столетия истории христианской церкви накопилось столько, что Св. Предание давно превратилось в Православии в независимый от Св. Писания источник истины и непререкаемого авторитета. Яркий пример такого противоречия приводит русский философ В.В. Розанов. Однажды ему пришлось слушать православного лектора. "Он говорил о предании и писании, что на них все основывается, забыв совершенно, что сама суть проповеди Христовой на стенах иерусалимских заключалась в отметении "предания старцев", т.е. на зыбкости вообще почвы предания, когда оно не тождесловит со Словом Божиим. Если бы кто-нибудь из слушающих мужиков встал и напомнил господину лектору о тексте апостольском, что "епископ должен быть одной жены муж", (а в православии епископ должен быть безбрачным), и спросил бы его, как же теперь православному соединить и повиновение тексту и повиновение преданию, его отметшему, то красноречивому оратору пришлось бы покраснеть и сойти с кафедры". [33](#)

Расплывчатость и неопределенность границ Св. Предания и его критериев, невозможность для мирян отличить его от т.н. "церковного предания", в котором правда и вымысел, переходя от одних поколений к другим, переплелись настолько, что разобраться в этом не под силу уже никому, создают в церкви определенную среду, в которой пышным цветом процветает суеверие, магизм, обрядоверие, начетничество, буквоедство, религиозный фанатизм и даже национализм. И виной тому смещение акцентов с Писания на Предание, наделение Предания особой сакраментальной ролью, которой не знали ни Христос, ни апостолы. Именно Св. Писание, будучи богодухновенным по сути своей, должно оставаться единственным критерием истины, веры, богослужебной практики и личного молитвенного опыта верующего христианина, а соотношение между Св. Писанием и Преданием должно оставаться таким же, каким оно было во времена Христа и апостолов.

[r-1](#) Этот подход известен также в богословии под названием "теории двух источников". См. Алистер Мак-Грат, Введение в христианское богословие, Одесса: "Богомыслие", 1998, С. 201.

[r-2](#) См., например, Иерей Олег Давыденков, Катихизис (курс лекций), Москва, 1998, С. 32.

[r-3](#) См. на этот счет обстоятельную статью Ведерникова А. Проблема предания в православном богословии, Журнал Московской Патриархии, 1961, № 10, 61-71.

[r-4](#) Nikos A. Nissiotis, "The Unity of Scripture and Tradition", Greek Orthodox Theological Review 11 (1965-1966): 189.

[r-5](#) Цит. по Ведерников А., № 10, стр. 63.

[r-6](#) Там же.

[r-7](#) Цит. по: О Боге, человеке и мире. Из откровений святых отцов, старцев, учителей, наставников и духовных писателей Православной Церкви. М., Путь, 1995, стр. 48.

- [r-8](#) Препод. Макарий, Введение в Православное Богословие, Москва: “АСТ”, 2000, стр. 430-434.
- [r-9](#) Цит. по Препод. Макарий, стр. 437.
- [r-10](#) Цит. по “Христианство”, Энциклопедический словарь, том 2, М., 1995, стр. 384.
- [r-11](#) Цит. по Давыденков, стр. 31.
- [r-12](#) Прот. Г. Флоровский, Богословские отрывки, Вестник, Париж, 1981-1982, № 105-108, стр. 193-194.
- [r-13](#) Иерей О. Давыденков, Катихизис, стр. 40.
- [r-14](#) Препод. Макарий, стр. 414-415.
- [r-15](#) С.Н. Булгаков, Православие: Очерки учения Православной Церкви, М., 1991, стр. 61.
- [r-16](#) Там же, стр. 62.
- [r-17](#) Там же, стр. 70-71.
- [r-18](#) Дьякон Андрей Михайлов, “Церковь и модернизм”, из сборника Сети “обновленного православия”, М., 1995, стр. 107-108.
- [r-19](#) Михаил Кригер, “В чем опасность библейских обществ”, из сборника Современное обновленчество - протестантизм “восточного обряда”, М., 1996, стр. 161.
- [r-20](#) Иерей О. Давыденков, стр. 19-21.
- [r-21](#) В.Н. Лосский, Предание и предания, Журнал Московской Патриархии, 1970, № 4, стр. 68.
- [r-22](#) Там же, стр. 67.
- [r-23](#) Цит. по Х. Яннарас, Вера Церкви: Введение в Православное богословие, М.: Центр по изучению религий, 1992, стр. 214-215.
- [r-24](#) Αρο/κρίφοι с греч. тайный, неизвестный, подложный; речь идет о писаниях, чье происхождение и авторство неизвестны
- [r-25](#) В. Лосский, Предание и предания, стр. 67.
- [r-26](#) Архиепископ Михаил (Мудьюгин), Русская Православная церковность: вторая половина XX века, Москва: Библейско-богословский институт, 1995, стр. 39.
- [r-27](#) Там же, стр. 42.
- [r-28](#) “Христианство”, энциклопедический словарь, том 2, стр. 383.
- [r-29](#) В.В. Розанов, Около церковных стен, М., 1995, стр. 270.
- [r-30](#) Алипий, указ. соч., стр. 41.
- [r-31](#) Архиепископ Василий (Кривошеин). Символические тексты в Православной церкви. Богословские труды, М., 1968. Сб. 4, стр. 10.
- [r-32](#) Архиепископ Михаил (Мудьюгин), стр. 110.
- [r-33](#) В.В. Розанов, указ. соч., стр. 439.